

Вчера в Москве торжественно открылся XI Московский международный кинофестиваль, проходящий под традиционным девизом «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами!»

СУДЬБА фильма была сложна, порой трагична...

Картину, созданные Эйзенштейном в двадцатых годах, особенно «Броненосец «Потемкин», принесли ему всемирную известность, а в 1930 году последовало приглашение в Голливуд вместе с нами — Эдуардом Тиссэ и мной. Фирма «Парамаунт» не назвала конкретный фильм, над которым предстояло работать, — эту «деталь» должны были уточнить на месте, в США.

В Голливуде мы провели семь месяцев, но так ничего и не добились. Эйзенштейн хотел экранизировать «Железный поток» Серавимовича — предложение было отклонено. Без всякого энтузиазма встремили сценарий по «Американской трагедии» Драйзера, написанный, кстати, Эйзенштейном вместе с автором романа. В содружестве с Айвром Монтеро я написал сценарий по «Золоту Зуттера» Б. Сандпера — остро социальному роману о первых калифорнийских золотоискателях; но и этот замысел полетел в корзину. Та же судьба постигла и другие наши предложения. В конце концов соглашения с «большевистским режиссером» было расторгнуто.

И тут на помощь пришли друзья: выдающиеся мексиканские художники Диего Ривера и Давид Сикейрос, с которыми мы познакомились еще раньше, в Москве, где они восхищались «Броненосцем «Потемкин»», предложили нам снять фильм о Мексике; финансовые проблемы разрешил американский писатель Эптон Синклер — он нашел людей, взявшихся субсидировать картину.

Тысячи километров проехали мы по трудным дорогам Мексики — с юга на север, с запада на восток. Два месяца безостановочных экспедиций. Мы были молоды тогда и готовы были своротить горы. Впечатления оказались ошеломляющими: нас поразили история Мексики, необычайная «кинематографичность» народа и природы, а также одна удивительная особенность страны — какая-нибудь сотня километров пути отделяла в ней одну эпоху от другой. Древнюю, доколумбовую — от эпохи завоевания Мексики испанскими конкистадорами, Мексику времен феодального владычества — от современной цивилизации.

Эйзенштейн решил сделать о необычайной стране необычную картину: рассказать трагическую историю Мексики без актеров и декораций. Для этого Сергей Михайлович и я написали либретто фильма «Да

здравствует Мексика!». Началась работа.

Съемочная группа состояла из нас троих. Итог — 70 тысяч метров снятой пленки. Могут сказать: очень много для одной картины. Но все объясняется двумя причинами: необычностью увиденного — все хотелось снять, и вторым

Вот что сказал Эптон Синклер о «Буре над Мексикой»: «...Обратите внимание на операторское мастерство. История экрана не знала ничего подобного. Эти деревья на пригорках, эти облака в небе... Они становятся действующими лицами картины». А вот отзыв Чарли Чаплина: «Это прекрас-

лось получить 65 тысяч метров отснятого материала — пять тысяч еще «гуляют по свету» — и появилась возможность смонтировать фильм. Эта работа была проделана в содружестве с режиссером Никитой Орловым.

В фильме «Да здравствует Мексика!» нам хотелось сохранить дух Сергея Эйзенштейна и как можно полнее донести до зрителя его замысел. Написанное нами тогда либретто — единственный документ, на основе которого можно восстановить ход съемок и предполагаемый авторский монтаж. Бесценными помощниками в этом отношении являются дневники Эйзенштейна, его записи, рисунки. И еще моя память. Два голоса звучат на протяжении всего фильма: мой — я делаю воспоминаниями — и рассказчика, повествующего о замысле Сергея Михайловича; этот текст читает Сергей Бондарчук.

Приведу только одну деталь: в фильме «Да здравствует Мексика!» — 1173 кадра, тогда как в современных картинах их обычно 300—400. Вызвано это тем, что мы хотели сохранить особенности короткого, ударного эйзенштейновского монтажа. Сцены не тянутся сотнями метров пленки — точки зрения меняются все время, и это придает действию особый ритм и упругость, отличающие создания Сергея Эйзенштейна.

Сейчас фильм закончен, вчера его увидели гости Московского фестиваля, мы с волнением ждем оценки зрителя...

НА ОТКРЫТИИ — «ДА ЗДРАВСТВУЕТ МЕКСИКА!»

В истории мировой кинематографии не было случая, чтобы фильм делался пять десятилетий. Между тем именно такова судьба картины «Да здравствует Мексика!»: она была снята почти полвека назад Сергеем Эйзенштейном, Григорием Александровым и оператором Эдуардом Тиссэ, а закончена только что под руководством Григория Александрова. Вот что рассказал в беседе с корреспондентом «ЛГ» народный артист СССР Григорий Васильевич АЛЕКСАНДРОВ.

обстоятельством, нуждающимся в пояснении.

В Мексике, не такой уж большой стране, — десятки языков и наречий. Нет переводчика, который знал бы их все. И вот, приехав, скажем, в живописные джунгли Техуантепека, мы оказываемся перед такой проблемой: мы говорим по-английски, после чего один за другим следуют два перевода: один — на испанский, другой — с испанского на «чечто среднее» между испанским и местным диалектом. А вот и результат: крестьяне, игравшие перед камерой, часто не понимали толком, что они должны делать. Поэтому приходилось делать бесчисленное количество дублей, пока не получалось то, что нужно...

А потом «финансовые боссы» предложили работу прекратить и нас разлучили с отснятым материалом. С трудом добились мы разрешения пройти монтаж в СССР, но и это сорвалось. В конце концов весь материал оказался в музее современного искусства в Нью-Йорке. А затем началась беспощадная эксплуатация отснятого материала.

На нем была сделана картина на «Буре над Мексикой», затем — «Место под солнцем», потом — «Мексиканская симфония» и еще тринадцать отдельных роликов. Надо сказать, что сам материал производил сильнейшее впечатление.

но, характерно для Эйзенштейна и мощно».

Однако Чарли Чаплин, не знаяший всего замысла, ошибался: это не было характерно для Эйзенштейна. Сам Сергей Михайлович, видевший все перечисленные картины, был ими возмущен: Но что он мог сделать?.. Только недавно нам уда-

Кадры из фильма «Да здравствует Мексика!»

